

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
I. Сделать спасительный шаг	7
Вера — плод встречи личности и Бога	9
В поисках встречи:	
общаться с Богом напрямую?	10
Радость богопознания	12
Мы обязаны ходить в Церковь?	14
Идти к Богу таким, какой ты есть	16
Самобытность личности в Церкви.	20
В «треугольнике» бытия	23
II. Вхождение в Церковь	25
Символ веры.	27
Крестное знамение	34
Крещение — вхождение в церковную	
реальность	37
После крещения: вхождение в приход	39
Первая Евхаристия	41
Священник — учитель Церкви.	42
Прошу духовного совета	44
Нас хранят Ангелы	48
Заповеди блаженств	50
Сила общины	60
Вера и жизнь	64
III. Жить в Отчем доме	69
Идея храма	71
Устройство храма	75

Иконостас	77
Свечи и лампы	80
Облачение священника	82
Богослужбные книги	85
Богослужбная утварь	88
Просфора	91
Антиминс	93
Святыни: о живой материи мира	99
Что принести с собой в храм	102
IV. Мир меняется после наших молитв	105
Учение Христа о молитве	107
«Отче наш»	112
Заупокойная молитва	121
О чем молиться в Церкви	126
V. О богослужении	127
О библейском духе богослужения	129
Вслушиваемся в возгласы	134
Седмичный круг богослужения	137
Суточный круг богослужения	140
VI. О таинствах Церкви	169
Таинства Крещения и Миропомазания	171
Таинство Исповеди	181
Таинство Евхаристии	196
Таинство Елеосвящения	216
Таинство Венчания	223
Таинство Священства	230
Предметно-именной указатель	234

ОТ РЕДАКЦИИ

«Перемен требуют наши сердца», — эти слова известной песни Виктора Цоя находили отклик у многих, живших в сложный перестроечный период. Но подобное происходит и с каждым из нас, когда жить по-старому становится невыносимо тяжело, а новая жизнь еще не обретена.

Эта книга — о перестройке души. Она адресована тем, кто готов к благодатным переменам в своем сердце и возвращению под кров Небесного Отца. Автор открывает прикровенную завесу церковной жизни и вводит читателя в благодатный мир Церкви Небесной и земной. Живой рассказ о вере, неизбитые образы, разрешение личностных противоречий и ответы на самые смелые современные вопросы, — все это найдет читатель на страницах нашего издания.

Не покупайте эту книгу, если вы ищете шаблонные рецепты: «Пять шагов к успеху», «Тридцать три молитвы об удаче в жизни» или «Семь семерин чудотворных икон, избавляющих от зла». Нет, от автора этой книги вы услышите только живые слова, выращенные в его сердце силой Духа Божия и подтвержденные собственным опытом церковной жизни.

Откровенность, ум, эрудиция, нелицемерная любовь к Богу и ближнему — вот отличительные черты «пастыря доброго», и все они присущи автору этого издания протоиерею Андрею Ткачеву. Наверное, в этом и залог его популярности: это один из самых пишущих и издаваемых духовных писателей современности, перу

которого принадлежит более 30 книг. Наиболее известны из них: «Ступени к небу. Как научиться любить людей», «Путь к жизни. Для тех, кому даровано родиться человеком», «Письмо к Богу», «Тебе и мне Бог письмо написал».

«Возвращение домой. Когда рождается вера» — первая книга из двух, посвященных «азбуке православия», начаткам вероучения. В ней подробно освещены следующие темы: как сделать спасительный шаг к Отчому дому; нужно ли менять свою жизнь, чтобы пойти в Церковь; что изменится в жизни после воцерковления; чего нужно опасаться и верить ли «бабьим басням» в церковной общине; устройство храма, церковный устав и основы богослужения; смысл церковных обрядов и таинств Православной Церкви; молитва в храме и вне его стен. Планируемое продолжение расскажет читателю о годовом круге богослужения: о праздниках, постах и днях особого церковного поминовения.

**I. СДЕЛАТЬ
СПАСИТЕЛЬНЫЙ ШАГ**

Вера — плод встречи личности и Бога

Вера — это в первую очередь плод благодатного опыта. Это не интеллектуальная установка, не набор философских истин, хотя все это может потом дополнить наше религиозное сознание. Изначально вера — плод встречи личности и Личности. То есть *первое условие для возникновения веры — встреча человека, живущего в видимом мире, с Богом, живущим в мире невидимом, метафизическом*. Прикосновение одной личности к другой — самое прекрасное, что вообще есть в мире, во всех проявлениях жизни: любви, творчестве, дружбе. И вера — плод благодатной встречи живой души с Живым Богом. Затем вера проходит через осознание разумом: появляется осмысление веры, опыта, выведение общих принципов, правил, но начало вере полагает благодать Святого Духа.

Вера — плод благодатной встречи живой души с Живым Богом.

Отсутствие этой встречи сводит на нет все разговоры с человеком, у которого не было подобного опыта. Можно доказывать свою веру, «рассекать надвое» его ум, «глушить» неопровержимыми доказательствами, но все это, к удивлению, останется бесплодным, потому что человек не будет понимать, о чем идет речь.

В поисках встречи: общаться с Богом напрямую?

Иногда в поисках религиозного опыта человек может броситься в разные оккультные практики: ведь там все кажется простым — съел кактус, и вот тебе встреча с непознанным, «выход в астрал». Это происходит оттого, что люди ищут конкретики: душа жаждет живого опыта, поэтому человек отменяет сложные «надстройки» над простым фундаментом Богообщения и обращается к такому, например, опыту, который описан в книгах Кастанеды.

Однако человек, не очистившийся от страстей, не может напрямую вступать в Богообщение. Если он будет искать «выходы на контакт», то первое, что получит, — западню.

У такого поиска есть здравый посыл. Человек не хочет читать сложные богословские трактаты, — такие как «Сумма теологии» Фомы Аквинского, например, — а хочет непосредственно вступать в живое общение, задавать вопросы и получать ответы.

Такое общение возможно, но это плод явленной святости, которая снимает условности, как леса с отремонтированного строения, и позволяет вступать в прямой диалог с Богом.

Чем нас подкупает библейская простота? Тем, что библейские люди ведут себя очень естественно: искренне плачут, когда им плохо; веселятся и шумно пляшут, когда им хорошо. Их сердечное состояние соответствует эмоциональному выражению чувств. Этого совершенно нет в современном человеке. Он устал от

условностей, он бунтует против культуры, которая родилась из веры, а затем стала недышащей обложкой нашей жизни.

Только в крайних, экстремальных случаях прямой доступ к Богообщению может получить и человек грешный: та же блудница, тот же мытарь, тот же благо-разумный разбойник. Критическая ситуация, будь то опасность, болезнь, физическая или душевная боль, позволяет человеку «возопить» и быть услышанным, как в псалмах говорится: «*Возопих ко Господу и Господь услыша мя от горы святыя Своея*» (Пс. 3:4). **Экстремальная ситуация — одно из условий прямого Богообщения.**

При всех благах цивилизации человек не стал защищеннее и счастливее, вокруг по-прежнему много бед и угроз. Наоборот, он стал более нервным, боясь старости, бедности, одиночества, маньяков, обвала доллара... Мы видим, что все сложности, вся хлипкость окружающей жизни провиденциальны: они обнажают человеческие слабости, позволяют в нужный момент воззвать к Богу, создают форму для этого обращения.

Если потом человек захочет общаться с Богом все время, ему придется обратиться к накопленному сокровищу Богообщения прежних времен и веков, к некоей систематизации этого опыта, к знанию того, чего нужно опасаться при этом.

Да, иногда скорби пробивают сердечное окаменение человека — сразу, насквозь, как «Божий сверлом», по выражению одного из Оптинских старцев. Но обычно ***сердце наше нужно чистить молитвой, слезами и покаянием.***

Радость богопознания

Встреча с Богом обещает нам радость. Я много раз слышал рассказы о подобном от других людей. Вот говорят: «Я купил машину и радуюсь». А я Бога узнал и радуюсь гораздо больше. К машине привык и уже не радуется человек, а я до сих пор радуюсь тому, что обрел веру. Но как я могу передать эту радость? На машине можно дать прокатиться, а эту радость «транслировать» трудно.

Радость всегда неожиданна. В радости всегда есть элемент бескорыстия. Радость естественна, как смех ребенка. Радость сопутствует невинности. Радость — спутник личности. Личность ощущает радость и дарит ее другой личности. Есть в ней и момент жертвенности, но такая радость сопряжена со слезами.

Христос исправляет катастрофу, в которую попало человечество. И получается, что Церковь состоит из тех, кто ощущает эту катастрофу.

В христианской жизни есть опыт радости. Перед службой священник читает у царских врат молитву Нерукотворному образу Спасителя, в которой есть слова: «...радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир». Когда священник облачается в стихарь, он произносит: «*Да возрадуется душа твоя о Господе*».

Христос исправляет катастрофу, в которую попало человечество. И получается, что Церковь состоит из тех, кто ощущает эту катастрофу — и если не пони-

мает всей ее глубины, то по крайней мере переживает ее вновь и вновь, сопротивляясь своему желанию грешить.

Опыт переживания внутренней беды и опыт умиротворения этого хаоса, опыт исцеления болезни, — этот опыт преодоления катастрофы подается человеку в Церкви. Только простой человек переживает это бытийно, а святые отцы могли это изложить так, чтобы это поняли другие. Святой человек отличается тем, что может научить простого человека этому опыту: *«Кто сотворит тако и научит, велий наречется в Царствии Небесном»* (Мф. 5:19).

Мы обязаны ходить в Церковь?

Наше время человек может откровенно спросить: если есть Бог, есть Церковь и есть Христос, который спас человечество, в том числе и меня, то почему я обязан теперь ходить в Церковь, даже если не хочу?

Прошла та эпоха, когда только люди очень дерзкие и смелые могли высказать подобную «претензию»: я не просил меня творить, не просил спасать, да я и жить вовсе не хочу и жизненный билетик покорно возвращаю, по выражению Ивана Карамазова. Сегодня это умонастроение стало повсеместным и произнести такие слова может каждый.

Хорошо, давайте посмотрим на мир: трехмерное пространство и четвертое измерение — время — это то, в чем живет человек. Воюй не воюй — но этого не изменить. Есть также некая необратимость временного процесса: прошлое всегда позади, а будущее впереди. Воюй не воюй, а это именно так. Если сунуть пальцы в розетку, то обязательно ударит током, огонь всегда будет жечь, а вода увлажнять — с этими данностями трудно спорить.

Примерно такими же являются аксиомы, смиряющие человека — то, что он сотворен и у него есть Творец; то, что за спиной у всего человечества существует темная страница — катастрофа, произошедшая в райском саду, — и что сегодня человек не такой, которым был сотворен или каким должен быть.

Абсолютен факт, что *человек — динамическое, изменяющееся существо, он постоянно должен ме-*

няться, становиться другим. Он мучается осознанно, когда знает, что должен, но не может чего-то сделать; и неосознанно мучается, когда не знает, чего от него хотят, в чем задача его бытия. Это парадоксальное и мучительное бытие есть человеческий крест, от которого, конечно, можно отказаться. Например — самоубийством. Это самый радикальный способ решения всех проблем — просто прервать жизнь, что для христианина является ошибкой, потому что жизнь не заканчивается, а продолжается. Продолжается и умножается.

Что для неверующего — бегство, для христианина — умножение страданий. Самый решительный христианский ответ на страдания — монашество. Это настоящий бунт против привычности, своего рода самоубийство, но с другим знаком.

Жизнь смиряет человека постоянно: хочу взлететь, а крыльев нет. Можно летать с помощью дельтаплана, самолета, но это не то, это все механические приспособления, а чтобы летать как во сне — такого нет в жизни. И сколько подобных хотений: знать все языки мира; плавать как рыба под водой, — а всего этого нет. Есть дряхлое тело, которое постоянно хочет есть, болеет и должно умереть.

Таким образом, состояние человека — смиренное. ***А когда человек смирен снаружи, но не смирен внутри, имеет внутренний бунт, — это состояние современного человека.*** Мы вынуждены общаться с бунтующим человеком, но не в социальном значении, как у Альбера Камю, а в экзистенциальном, — когда человек не хочет жить так, как должен жить. Вот здесь и возникает потребность в христианстве.

Идти к Богу таким, какой ты есть

Бывает так, что человека, готового прийти в Церковь, открыть себя Богу, предстать перед Ним, сдерживает ряд внешних обстоятельств, оставшихся от прежней греховной жизни. Человек думает: я еще недостойн, нужно все бросать, менять свою жизнь, окружение, общение, привычки перед тем, как идти в храм...

Конечно, легче всего играть с Богом в «кошки-мышки» — чувствовать необходимость обращения, но оттягивать ее. Как говорил блаженный Августин до своего обращения: дай мне, Боже, целомудрие, но не сейчас. *Но правильный выход все-таки — идти таким, какой ты есть сейчас.* Нужно совершить смелый шаг за грань своего существования. Вместо губительного шага, который делает самоубийца с моста в воду, — спасительный шаг из привычного состояния в непривычное: я иду к Тебе. Какой бы я ни был, я иду к Тебе. Ведь все блудницы и прокаженные, которые приходили ко Христу, чтобы прикоснуться к Нему, — приходили, будучи блудницами и прокаженными. Они не говорили: мол, сначала я брошу свое ремесло, а потом пойду и прикоснусь к Нему, поплачу у Его ног. Или: сначала я выздоровею, а потом пойду и скажу Ему спасибо. Они приходили именно как блудницы, мытари, разбойники, слепые, — и все они кричали, вопили, плакали, но шли к Нему. Очевидно, это означает, что *нужно идти к Богу таким, какой ты есть, — не пытаться сначала измениться самому, а доверить Ему изменить себя.*

Даже если люди живут в незаконном супружеском союзе, не оформленном ни государством, ни Церковью, нужно звать их на молитву. И пусть они перемалывают и перемалывают свое внешнее состояние, пусть растут вместе, пусть движутся вместе к Богу. Если девушка понесет во чреве от такого союза, то нужно сделать, чтобы ребенок родился. Окрестить его, даже если родители не женаты.

Легче всего играть с Богом в «кошки-мышки» — чувствовать необходимость обращения, но оттягивать ее. Как говорил блаженный Августин до своего обращения: дай мне, Боже, целомудрие, но не сейчас. Но правильный выход — идти таким, какой ты есть сейчас.

Если мы будем требовать подготовки, то это будет неправильно. Современный человек не способен отвечать требованиям Церкви. Суть требований такова, что их становится все больше. Нужно их минимизировать, а они склонны разрастаться. А современный человек лишен, как правило, религиозного воспитания, лишен пребывания в традиции; он спесив, как и спесива наша эпоха. Мы не даем себе отчета в том, что современный, даже крещеный человек — это дикарь, Пятница Робинзона Крузо, и фактом крещения и ношения крестика на шее отнюдь не сразу переходит в разряд просвещенных людей. Поэтому нужно его беречь.

Сокровище Церкви — это люди. Мы не можем требовать от человека того, чего он не знает. «Ты постился три дня?» А он в жизни не постился. «Почему с девушкой живешь, а не расписан?» А он воспитан в таком

понимании, что раз им хорошо, то и жить можно вместе. Это не значит, что он может жить как хочет, нет. Но нужно его побережь, не отпугнуть его.

Я доверяю Главе Церкви — Господу Иисусу Христу, Который очищает нас Сам, и не нужно мешать Ему. Он живо действует в мире. Кого-то мажет мазью, а кого-то берет за шиворот, кого-то гладит по голове, а кого-то бьет по шее, кого-то лечит, кого-то очищает.

Искусство пастырства здесь заключается в том, чтобы не огоршить его массой требований, а начать заниматься с ним постепенно: как с Маугли.

Так что приходиться нужно в Церковь «как есть», «со всеми блохами», и постепенно их «вычесывать». Будешь падать, подниматься, выскакивать «пробкой» из храма, потому что многое и тяжело, и непонятно. Потом снова возвращаться. *Церковь будет тебе матерью — не боятся же люди возвращаться в отчий дом, если там правильные и хорошие понятия.*

Я доверяю Главе Церкви — Господу Иисусу Христу, Который очищает нас Сам, и не нужно мешать Ему. Он живо действует в мире. Кого-то мажет мазью, а кого-то берет за шиворот, кого-то гладит по голове, а кого-то бьет по шее, кого-то лечит, кого-то очищает. Он совершает тысячи действий ежесекундно в мире, и не нужно Ему препятствовать. Пастырь сам имеет и совесть, и душу, и грехи, и опыт падения и восстания. Он должен понимать, как трудно вылечивается человек, и то, что даже он, одетый благодатью священства, ничем не лучше вот этого, пришедшего впервые.

Есть еще другой страх — открыться священнику. Конечно, можно сначала понаблюдать за пастырем. Но и нужно быть готовым к ошибкам, к череде обидных обманов. Хорошо, если сразу попали в руки к хорошему «духовному хирургу». Нужно слушать, что говорит священник, смотреть в его глаза, доверять своему сердцу. Приоткрывать покровы своих тайн нужно постепенно. Сразу просить: «Примите меня в духовные чада» будет, скорее всего, опрометчиво.

У нас есть и другие ориентиры — это святые и их творения. Первое, что приходит на ум, — «Путь ко спасению» святителя Феофана Затворника. Творения святителя Тихона Задонского чрезвычайно просты, если преодолеть барьер между нашим языком и речью XVIII века, когда жил этот святой. Если человек более монашеского устройства, то можно прочесть творения святителя Игнатия (Брянчанинова). Мне по сердцу все, что пишет святой Николай Сербский, его поэтическая проповедь. Из современных авторов — Паисий Святогорец, недавно канонизированный. Он так и пишет: «С болью и любовью о современном человеке»¹. Можно почитать сочинения митрополита Антония Сурожского.

¹ См.: Старец Паисий Святогорец. Слова. Том I. С болью и любовью о современном человеке. — М., 2002.

Самобытность личности в Церкви

Не нужно бояться совмещать свою жизнь с Православием, даже если вы представитель творческой профессии. Здесь может и не быть опасности. Я считаю, что не все художники должны быть иконописцами. И по нынешним временам, по развитости и разнообразию культурной деятельности, которую может вести человек, будет поспешным сворачивание творческой деятельности в связи с приходом к вере.

Если смотреть на культуру глазами Н. В. Гоголя, который считал, что *театр — это кафедра для проповеди о добре и зле*, то она делает очень важное дело. Человек должен быть подготовлен к приходу в веру. Семя евангельское должно быть брошено в перепаханную землю. А кто эти пахари, кто пашет землю сердец человеческих? Кинорежиссеры, композиторы, поэты, философы, актеры. Например, Иннокентий Смоктуновский, я считаю, «перепахал» множество людских сердец, и они стали более чуткими к страданию, к чужой боли и радости, а может быть, эти люди и Евангелие взяли в руки. Если смотреть на это так — то надо быть культуртрегером, носителем и распространителем культуры. Нужно говорить, что *в современном мире культура, которая не оторвалась от своих христианских корней, — это плуг пахаря, готовящий землю для сеятеля веры*.

Иногда творческий человек и сам не осознает до конца, какие плоды принесет его творение. Например, Ларс фон Триер наверняка не осознавал, какой отзвук в человеческих душах будет иметь его «Догвилль». Та-

кое искусство лучше, на мой взгляд, чем некая искусственная проповедь через творчество, — люди быстро распознают в ней фальшь. Последнее — словно некий математический танец, в котором нет огня. В этом тоже есть своя драма и загадка.

Господь словно использует творческого человека для осуществления Своего замысла. Ведь очень часто произведения талантливого художника «умнее» своего автора. Кроме композиции есть еще и искусство исполнения — и иногда исполнитель вкладывает в произведение новый, более глубокий смысл, чем это задумал автор.

Настоящее творчество исповедально. Это своего рода форма исповеди. А исповедь в высоком звучании иногда превращается в пророчество, когда исповедующийся человек захватывает пласты не только личного, но и общего бытия.

Провиденциальные вещи открываются иногда именно людям творческих профессий. Человек пишет и говорит о том, что далеко выходит за пределы его личного опыта. Я думаю, что это связано с воспитанием, с предками, с чьими-то молитвами за такого человека, с его личными молитвами, с его стыдом, его болью. Это как сложное блюдо из многих ингредиентов.

Настоящее творчество исповедально. Это своего рода форма исповеди. А исповедь в высоком звучании иногда превращается в пророчество, когда исповедующийся человек захватывает пласты не только личного, но и общего бытия.

Мы знаем, что кающийся на это способен. Святой пророк Давид, например, согрешив, сказал: «*Помилуй мя, Боже*» (Пс. 50:1), — и мы этот псалом повторяем тысячи лет и находим в нем источник покаяния и вдохновения. Он о себе говорил, — а нам всем пригодилось. В силу своего пророческого дара он выговорил личную боль так, что это легло на все больные души.

Подобное происходит и в музыке: Шостакович пишет симфонию — и отражает в ней целую эпоху. *На низком уровне творчества человек «выговаривает» себя, а на более высоком он, говоря о своем, затрагивает боль всей эпохи и современного ему человечества.* На наивысшем уровне человек говорит за все человечество вообще, когда его книга жива во все времена и эпохи, потому что в ней есть нечто, объединяющее всех.

В этом смысле христианство дает человеку новые возможности для творчества, возможность прикоснуться к боли и радости всего человечества.

Православие очень сострадательно и внимательно к человеческой душе. Актер может играть персонажа XVIII века — и через христианство понять его как своего современника. Если сострадание позволяет нам понять, что столетия идут, а ничего не меняется внутри нас и человечество остается тем же, то искусство достигает своей высокой цели. Оно показывает нам человека как такового.

В «треугольнике» бытия

Неверующие люди часто спрашивают нас: почему все так сложно устроено в мире, в Церкви, почему Бог не мог все устроить проще?

Но мы все должны понимать, что в истории нашего мира есть три действующих лица: это **Бог, человек и диавол**. То есть умных, деятельных стороны — три. Все они упомянуты в молитве «Отче наш»: Бог Живой, к Которому нужно обращаться; человек, просящий простить ему долги, согрешения его, как и он сам прощает; и лукавый. Вот в этом «треугольнике» коренится ответ: **Бог ни в чем не виноват, диавол во всем виноват, а человек виноват частично**. Об этом же говорит святитель Филарет (Дроздов) в ответе Пушкину. Поэт писал:

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..*

А святитель ему отвечал:

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

Мы знаем, что человек на многое способен — как в хорошем, так и в плохом смысле. Как говорил Ф. М. Достоевский устами одного из своих героев: «Широк человек, я бы сузил». Поэтому мы, принимая во внимание

огромное количество людей, самостоятельных и самовольных; принимая во внимание «родовую травму» — грехопадение; принимая наличие лукавого, который сеет плевелы на поле, засеянном пшеницей, получаем очень непростую картину мира, в котором царствует Бог. И в ней нужно отделить, как сказано в Евангелии, пшеницу от плевел.

Например, закат: от Бога или от лукавого? — От Бога. А крик жертвы на фоне заката — это от Бога, человека или дьявола? — Это от человека и от лукавого. И так далее... Художник, рисующий распускающиеся цветы — это Божие и человеческое. И так нужно разбираться, где кто действует из трех лиц: падший дух, испорченный им человек или Благой Бог, царствующий над этим миром.

Такое же рассуждение нужно нам и при взгляде на сложность организации церковной жизни: здесь главная задача, как говорится, за деревьями увидеть лес. Сквозь свечи, кафельный дым, сквозь ризы на иконах должно светиться главное: **Церковь — столп и основание истины, Дом Бога Живого, и Христос — глава ее, а она — Его Тело.** Как только эта истина удаляется, уходит из сознания приходящих и служащих, тогда происходят серьезные исторические колебания, которые потрясают Церковь. И тогда, как с груши, падает все лишнее, для того чтобы обнажить сущность.

То есть *забвение сущности* — это, по сути, *просьба к Богу о катастрофе.* Мы вольно или невольно просим Бога: «Ты потряхни это все, чтобы слетела фальшивая позолота, а осталось только то, что истинно». И тогда мы становимся виновниками грядущих бед.

**II. ВХОЖДЕНИЕ
В ЦЕРКОВЬ**

СИМВОЛ ВЕРЫ

Символ веры — это краткое исповедание того, во что верит Церковь. Он содержит в себе главные вероучительные истины христианского богословия, которые должен знать каждый христианин. В древности эти истины преподавались в особых огласительных училищах, которые существовали при церковных общинах.

В каждой Поместной Церкви был свой Символ веры, который по смыслу был тождествен другим, но мог отличаться отдельными выражениями. Символ веры, который мы слышим в храме сегодня, был сформулирован в IV веке, большей частью на I Вселенском Соборе, и окончательно сложился на II Вселенском Соборе.

Символ веры формирует христианское мировоззрение, это камертон, по которому настраивается правильный образ мышления. Это не молитва, здесь мы не обращаемся к Богу непосредственно, а говорим, во что мы верим, громко, вслух.

Каждому человеку нужно хорошо знать Символ веры — в особенности тем, кто готовится к крещению или будет крестным отцом или матерью у маленького ребенка, за которого нужно будет эту веру исповедовать. Ее впоследствии нужно будет преподавать ему в виде поучения по мере возрастания.

Мы поем Символ веры на литургии, как наше общее свидетельство о том, что мы веруем правильно, не так,

как сами захотели, придумали, а так, как научены Апостольской Церковью.

Первая часть Символа веры, где говорится о Боге Отце — довольно общая, и при желании на ней можно остановиться и уделить ей очень много внимания. Но можно пройти ее быстро, а затем сконцентрироваться на том, что говорится об Иисусе Христе.

Символ веры формирует христианское мировоззрение, это камертон, по которому настраивается правильный образ мышления. Это не молитва, здесь мы не обращаемся к Богу непосредственно, а говорим, во что мы верим.

Начало Символа веры — *«Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»*. В этой части Символа веры у нас нет споров с иудеями и мусульманами: и те, и эти веруют в Единого Бога, который есть Творец видимого и невидимого мира. Здесь нам с ними не о чем спорить.

Споры начинаются там, где говорится о Христе. Христос есть *камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится* (1 Пет. 2:6), но Он же есть камень преткновения и соблазна (см.: Рим. 9:33), поэтому в Него не все веруют или не все веруют одинаково.

Символ веры — Христоцентричен. Текст Символа веры в основном посвящен Второму лицу Святой Троицы — Господу Иисусу Христу.

Мы не просто веруем в Бога, но веруем также и *«во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век»*. **Христос — Сын Божий, единственный Сын Небесного Отца.**

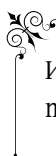
Рождение Сына от Отца — дело внутритроичных отношений. Как слово рождается в уме, так Сын рождается от Отца: без исления, без истечения, без разделения, таинственно — прежде всех век. Подчеркивается предвечный характер отношений между Сыном и Отцом. Отец — вечен и Сын — вечен. Он рождается не во времени — эта ересь Ария была отвергнута на I Вселенском Соборе, — Сын Божий рождается прежде всех век.

Дальше в Символе веры объясняется, кем является Сын Божий по отношению к Отцу — *«Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша»*. В Первом послании Иоанна Богослова говорится, что *Бог есть Свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1:5). И Христос говорит, что *Я Свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин. 8:12).

Сын Божий есть Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного. Эти слова отсылают нас к Евангелию Иоанна Богослова, к прологу, где он говорит о том, что *в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1:1). То есть Бог от Бога, Свет от Света.

«Рожденна, несотворенна» — проводится четкая граница между рождением и творением. Скажем, человек родил сына. Он себя вложил в чадо, и все, что прожил, вложил в него, и все, что имеет — все в нем. Или человек, скажем, сделал лавку — сотворил нечто. Рождение и творение — это разные вещи. **Бог Отец мир сотворил, а Сына родил. Рожденный — одной сущности с Отцом, сотворенный — другой.** Иными словами, творение человека — это не человек, а сын человека — человек. Творение Божие — это не Бог, а Сын Божий — Бог. Об этом говорит Символ веры.

Далее следует единственное слово, которого нет в Писании — «единосущный» (Отцу). Слово «единосущный», вокруг которого шли споры в течение I Вселенского Собора, святые отцы предложили как наиболее соответствующее для того, чтобы дать понять, что **Сын Божий равен Отцу в Божественном достоинстве**. И это слово внесли в Символ веры как именно православное. Термин «омоусиос» — единосущный — был заимствован из греческой философии, из богатства греческого языка.

Иисус Христос пришел для того, чтобы стать Искупителем и пострадать, стать жертвой.

Слова «Имже вся быша» означают, что через Него все произошло. Они есть в Писании — *Без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1:3). Такое довольно угловатое и тяжеловесное выражение употреблено в Евангелии именно потому, что предмет речи очень высокий и нельзя о нем говорить, не запутываясь языком. Оно означает, что **Сын есть такой же Творец, как и Отец**.

«Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес». Сын Божий, вечно пребывающий с Отцом, для нас и для нашего спасения сошел с небес и «воплотился от Духа Святаго и Марии Девы и вочеловечился». Сверхъестественным образом, без семени мужа, как об этом предсказывали пророки, Сын Божий стал во всем подобен нам.

Дальше мы пропускаем всю жизнь Иисусову, все чудеса Христовы: воскрешение мертвых, хождение по водам, изгнание демонов, умножение хлебов — все пропу-

скаем и переходим к разговору о том, зачем Он пришел. Иисус Христос пришел для того, чтобы стать Искупителем и пострадать, стать жертвой. Мы веруем во Христа, *«распятого же за ны при Понтийстем Пилате»*.

Пилат Понтийский — игемон, — здесь упоминается для подтверждения того, что событие было историческим, и произошло именно в Палестине, и именно при наместнике римского царя, которого звали Пилат Понтийский. Не просто когда-то, где-то, неважно где, но в конкретном месте и в конкретное время совершил Христос наше спасение.

«И страдавши, и погребенна» — подчеркивается, что Христос страдал, чтобы мы знали, что Он есть истинный Человек и боль терпел настоящую, человеческую. Он не был призраком, не был условно вочеловечившимся, как некоторые считали. Против этих еретиков Церковь говорит, что Христос был истинным Человеком. Он вочеловечился и страдал, умер на Кресте, был погребен и похоронен.

«И воскресшаго в третий день по Писанием» — согласно пророкам, говорившим о Нем, Христос воскрес в третий день. Самые яркие пророчества о Его тридневном воскресении содержатся в Книге пророка Ионы, который был проглочен некой большой рыбой, пребывал в ней, был извержен ею в третий день из чрева и остался жив. Христос говорит о том, что *как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12:40).

Есть указание на воскресение Христово в третий день в Книге пророка Осии. Есть много образов в псалмах и в других ветхозаветных книгах, где о Христе говорится как об «имеющем пострадать и воскреснуть».

«И восшедшаго на небеса, и сядища одесную Отца» — «одесную» означает «по правую руку». Конечно, это не значит, что у Бога Отца есть руки, равно как и ноги, и волосы на голове, и глаза, и прочее. Этого всего у Бога нет. Бог не изобразим и невообразим. Бог не человекоподобен. Нельзя изображать Бога Отца в виде человека.

Справа — означает во славе, так как справа от царя стоит ближайший к царю. Описывая Страшный Суд, Спаситель говорит, что одесную (направо) пойдут спасенные, а ошуюю (налево) — осужденные. Слова о сидении Христа одесную Отца имеют духовный смысл: Сын Божий с телом пребывает во славе Своего Отца.

Первое пришествие Христа было смиренным, оно было сопряжено с унижением, долготерпением, внешней простотой. Второе пришествие будет со славою. Первое пришествие было, чтобы спасти, а второе — чтобы судить живых и мертвых.

Христос ушел не навсегда, но ушел, чтобы вернуться, поэтому далее Символ веры говорит о том, что мы веруем во Христа, «паки грядущего (еще раз имеющего прийти) со славою судити живым и мертвым». Первое пришествие было смиренным, оно было сопряжено с унижением, долготерпением, внешней простотой. Рождение на соломе, в пещере; жизнь плотника, потом бродячего нищего проповедника — все это знаки смирения Христова. Второе пришествие будет со славою. Первое пришествие было, чтобы спасти, а второе — чтобы судить живых и мертвых.

«Его же Царствию не будет конца» — здесь все понятно. Дальнейший текст Символа веры говорит о том, что мы верим также «в Духа Святого, Господа Животворящего, который от Отца исходит, со Отцом и Сыном спокланяемый и сславимый, Он говорил через пророков».

Верим также «во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедуем едино Крещение во оставление грехов. Ждем воскресения мертвых и жизни будущего века». Теперешняя жизнь наша есть лишь приготовление к вечной жизни, которая начнется, когда придет Христос и мертвые воскреснут. Тогда наступит вечность, для одних — блаженная, для других — тяжкая.

В конце Символа веры мы говорим: «Аминь», ибо все, сказанное в нем, верно и является непреложной истиной.

Крестное знамение

Исповедовать веру нужно устами, но есть у Церкви способ делать это, не открывая уст — **крестное знамение**. Святитель Василий Великий крестное знамение связывает с одним из апостольских преданий, пришедших к нам не через книги, а через обычай. Везде, где апостолы проповедовали, наученные ими христиане изображали знак креста.

Во втором веке от Рождества Христова святой мученик Иустин Философ писал: *«Чтобы воздавать Богу лучшее, мы молимся, обратившись лицом на восток, и знаменуемся крестом при помощи правой руки»*.

Крестились по-разному, но крестились все. На Западе в память о пяти язвах на теле Христа крестились пятью пальцами — открытой ладонью. В Африке крестились одним пальцем, указательным или большим, — в знак единства Божия. Иногда осеняли себя крестом полностью, иногда крестились частично, осеняя крестом чело, уста или сердце.

Как крестимся мы? Для крестного знамения мы складываем вместе в щепоть три пальца правой руки: большой, указательный и средний. Два пальца — безымянный и мизинец — прижимаем тесно к ладони. Три пальца, сложенные вместе, символизируют веру во Святую Единосущную и Животворящую Троицу. Два пальца, пригнутые к ладони, означают, что Сын Божий, будучи Богом, в воплощении стал Человеком, и, таким образом, изображают собой нашу веру в воплощение Сына Божия, в то, что Он Бог и Человек одновременно.

Осенять себя крестным знамением следует не торопясь. Нужно возложить пальцы на чело, затем на живот, затем на правое плечо, затем на левое. После крестного знамения можно сделать поклон.

Для крестного знамения мы складываем вместе в щепоть три пальца правой руки: большой, указательный и средний. Два пальца — безымянный и мизинец — прижимаем тесно к ладони. Три пальца, сложенные вместе, символизируют веру во Святую Единосущную и Животворящую Троицу.

Некоторые люди небрежно изображают на себе крестное знамение: или не складывают пальцы правильно, или машут перед собой, ломая крест, или кланяются до свершения знамения. Святой Иоанн Златоуст говорил, что *бесы радуются такому неистовому маханию*. Напротив, крестное знамение, совершаемое с верою и благоговением, устрашает бесов и погашает греховные страсти, привлекая Божественную благодать.

Сознавая свою греховность и недостойнство перед Богом, в знак нашего смирения мы сопровождаем свои молитвы **поклонами**. Поклоны бывают **поясными** и **земными**. *Поясной поклон* — это когда человек сгибается в поясе. *Земной поклон* — когда человек опускается на колени и касается лбом земли.

Крестное знамение можно назвать благодатным таинством, которое совершается каждым христианином независимо от пола, возраста и священного звания. История сохранила много примеров того, как совершались знамения и чудеса при помощи животворящего